

ДЕВУШКИ

с проблемами

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

ЕЕ ЛИЦО ПРИМЕЛЬКАЛОСЬ,
НО ОНА – НЕ СУПЕРЗВЕЗДА,
И НЕ ФАКТ, ЧТО ДРУГОЙ
ПРОДЮСЕР ПРИМЕТ ЕЕ
С РАСПРОСТЕРТЫМИ ОБЪЯТИЯМИ.
КТО ОНА ТАКАЯ, ЧТОБЫ
ВКЛАДЫВАТЬ В НЕЕ ДЕНЬГИ?

– РОДЫ ПРОЙДУТ ЛЕГКО,
ОТОЙДЕТЕ БЫСТРО.
– ВЫ С УМА СОШЛИ?! –
ШАРАХНУЛАСЬ ОНА. –
А КАК ЖЕ МОЯ КАРЬЕРА?
У МЕНЯ НЕТ НИЧЕГО, ДЕНЕГ НЕТ,
Я ЖИВУ В СЪЕМНОЙ КВАРТИРЕ...

ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ ОНА ОСОЗНАЛА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СМЫСЛ
РОКОВОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ
«ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»...

Маша Царева

Девушки с проблемами

«ЭКСМО»

2006

Царева М.

Девушки с проблемами / М. Царева — «Эксмо», 2006

Шоу-бизнес – это не только большие деньги и красивая жизнь, но и подстерегающие на каждом шагу предательство и обман. Банальная формула девичьей поп-группы: одна – хороша собою, другая – спит с продюсером, третья – начинающая алкоголичка, но умеет петь. Вынужденные подруги, которые большую часть жизни проводят вместе – в тесных, пропахших потом примерках, в тряских гастрольных автобусах, в дешевых гостиницах чужих городов. Каждая из них как умеет пытается выжить в столице. Их объединяет лишь одно: стремление к устройству своей личной жизни, но лишь одна из них готова пожертвовать всем ради пяти минут триумфа на сцене... Ранее это произведение выходило под названием «Дневник безумного трио, или Девушки с проблемами».

© Царева М., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маша Царева

Девушки с проблемами: роман-откровение

Глава 1

Женя с детства Дедов Морозов недолюбливала, и тому имелись причины.

Сосед по лестничной клетке, а по совместительству закадычный друг ее отца дядя Толя был *эпизодически* поддающим *актером-эпизодником*, из неудачливых. Как и большинство коллег, чьи физиономии так и не попали на голубой экран, дядя Толя ежегодно подрабатывал Дедом Морозом. У него и собственный костюм был – пропахший сигаретным дымом и потом красный кафтан, длинная свалывшаяся борода, усы, как у Буденного, и валенки сорок шестого размера, украшенные трогательными золотыми звездочками.

И вот однажды, в канун Нового года (было Жене лет пять – семь) в томительном предвкушении праздника она отправилась в родительскую спальню, дабы преждевременно обнаружить заботливо приготовленные для нее подарки. Женя знала, что подарки прячутся в нижнем отделении комода, под аккуратной стопкой кухонных полотенец. Она проделывала этот трюк перед каждым торжеством. Спроси ее – она не объяснит, почему куда слаще обнаружить завернутую в серую магазинную бумагу куклу заранее, на полдня раньше официального торжественного дарения. Разворачивая бумагу, Женя нервничала, как начинающий парашютист перед прыжком. Зато потом ей становилось спокойно и радостно.

И вот отправилась она, как обычно, на поиски очередного дара (она предвкушала набор кукольной мебели), будучи в полной уверенности, что мамы дома нет. Тихонечко приоткрыла дверь и... так и замерла на пороге. Женя это зрелище запомнила на всю жизнь и с тех пор к самому факту отмечания Нового года относится с некоторой долей подозрительности...

Мама ее лежала на кровати, а на ней, на маме, лежал Дед Мороз в полной амуниции, только вот мешка с подарками не было за его плечами. Красные полупижамные штаны лихого дедушки были спущены до колен, и Женя изумленно и немного обиженно тарасилась на ритмично подпрыгивающий дед-морозовский розовый зад.

Непонятно, зачем дядя Толя решил явиться на эротическую встречу двух одиночеств в рабочей униформе. Вероятно, были у него на то какие-то причины – может быть, застарелая сексуальная фантазия, а может быть, он просто торопился.

Женя тихонечко вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. И никогда никому об увиденном не рассказывала.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Но почему-то всегда в канун Нового года она неизменно вспоминала, какие хриплые гортанные вздохи раздавались из-под белой ватной бороды и как мамины наманикюренные руки мяли красный кафтан на мощной дед-морозовой спине.

...Надо же было случиться, чтобы один из белобородых служителей новогоднего культа как банный лист привязался к ней за кулисами. А ей не до мрачных воспоминаний далекого детства, ей через десять минут на сцену выходить. По-идиотски улыбаясь, обнимать гитару и с видом крутого рокера перебирать струны, делая вид, что она умеет играть. И художественно разевать перед микрофоном рот, притворяясь, что ей неизвестно слово «фонограмма».

– Хорошенькая какая, – сказал Дед Мороз, пьяно поблескивая глазами из-под густых ватных бровей.

Женя интеллигентно промолчала и нервно огляделась по сторонам в поисках Дашки и Инны. Но те, как назло, куда-то запропастились. Хотя правильнее сказать не «как назло», а «как обычно».

– Только уж слишком худая, – задумчиво продолжил Дед Мороз, беззастенчиво ее рассматривая, – не подумал бы, что ты такая худющая.

Женя раздраженно причмокнула и посмотрела вверх, на обшарпанный потолок. Ну почему, как только ты становишься более-менее знаменитой, каждый встречный считает своим долгом обсудить твою внешность в твоём же присутствии?

Вот на днях черт ее дернул выпить кофе в одном из староарбатских ресторанчиков. Обычно Женя не рисковала появляться в демократичных местах в гордом одиночестве: не то чтобы она была мегазвездой, которую фанаты с завидным постоянством растаскивали на лоскутки, просто как-то неуютно ей было под перекрестным огнем любопытных взглядов окружающих. Но тут не удержалась. Было холодно, а она бродила по магазинам в сапожках из тонкой кожи. Ступни одеревенели, нужно было срочно принимать меры. И вот накачалась она горячим шоколадом, потом, естественно, зашла в дамскую комнату – губы подкрасить. А там перед зеркалом топтались две девчонки, ненамного младше самой Жени. Обе страшненькие, но с претензией на стиль. На одной красный вязаный колпак и перчатки в тон. Тощие ножонки другой обтянуты полосатыми колготками.

Они ее, конечно, сразу узнали. Сначала молча глазели на то, как Женя карандашиком ловко подправляет линию губ. Но вскоре не выдержали: одна подтолкнула локотком другую в бок, и началось:

– Это она!

– И без тебя вижу. Какая страшненькая, да?

– Так потому что без грима. Они там все такие, – авторитетно заявила та, что в полосатых колготках.

– А по телику она моложе выглядит.

– Да это монтаж. Гляди, ей же весь тридцатник.

Что толку было объяснять им, что, во-первых, она не страшненькая, а хронически невыспавшаяся – в предновогоднюю пору иногда у них было по три выступления за ночь. А во-вторых, ну разве культурно это – говорить такое ей в лицо? Эх, да что там...

– Надо больше белков кушать, – с умным видом посоветовал Дедушка Мороз, – икру там, булочки.

– Слушайте, отстаньте, а! – не выдержала Женя.

– Так я разве пристаю? – изумился Дед Мороз. От него несло микстурой от кашля.

«Абсентом накачался», – поняла Женя.

И тут Дед Мороз совершил роковую ошибку – он протянул руку и указательным пальцем шутиливо ткнул ее в бок, в межреберное пространство. Получилось и больно, и щекотно одновременно, к тому же от неожиданности Женя с истерическим «Ой!» едва не свалилась на пол, пошатнувшись на высоченных каблуках. Дед Мороз же развеселился окончательно.

– Нервная какая! Принцесса, блин, на горошине. А что, как там тебя звать, нравишься ты мне. Не хочешь выпить после своего бренчания? – Он шумно икнул. – Пардоне муа... кофейку?.. – Последовало еще одно надрывное икание. – Пардоне муа... с коньячком!

– Знаешь что, артист, – этого Женя вынести уже не могла, – да пошел ты туда-то и туда-то! – С этими словами она схватила Деда Мороза за плечи и, резко согнув ногу, не то чтобы очень сильно (но и не понарошку) ударила его коленом в пах.

Дед согнулся пополам и заскулил, как раненый котенок. Потом по стеночке сполз на пол и обнял колени руками. Да еще и жалобно прошептал: «Врача!» Женя в замешательстве огляделась – не позвать ли администратора? Но потом махнула рукой – ничего, и так отойдет. Сам виноват. Ишь ты, строит из себя воплощение мировой скорби. Сколько раз она отрабатывала этот примитивнейший прием на мужчинах – нагло пристающих, пошло оскорбляющих, пытающихся купить, перепродать, обнять, понять и так далее, со всеми вытекающими. И ничего, все выжили.

Тем более что в этот момент из-за угла показался продюсер их группы Артем, широкими шагами направлявшийся прямо к ней. За ним едва успевали Дашка и Инна.

– Где тебя носит?! – зловеще прошептал он, что было ему несвойственно. Амплуа Артема – визгливый ор в черт знает сколько децибелов. Но сейчас они находились слишком близко к сцене, и Иртенев понимал, что его вопли могут услышать.

– Я вас здесь жду, – обиженно ответила Женя, – это вас где-то носит.

– А мы с другой стороны, – со смешком объявила Даша.

– Ладно, потом разберемся. Все, девки, ваш выход. Ни пуха ни пера.

– Да пошел ты к черту! – отозвалась ангельским голосом Женя, глядя при этом Артему в глаза.

Тот неодобрительно хмыкнул. Женю он всегда недолюбливал. Причем чувство это было, как водится, взаимным. Но на ее голосе, низком и сильном, держалась вся группа.

Она услышала, как ведущий – виджей музыкального канала, который искренне считал себя телезвездой, а на самом деле являлся малограмотным шутом гороховым, – объявил: «А сейчас любимое всеми трио «Паприка»!», одернула короткую золотистую юбочку – свою ненавистную униформу – и вместе с Дашутой и Инкой выбежала на сцену.

Кто-то энергично зааплодировал, кто-то беззастенчиво засвистел. На них всегда горячо реагировали, и даже на корпоративных банкетах, где праздничное меню гостей интересует куда больше концертного ассортимента, трио «Паприка» умудрялось урвать свою порцию зрительского внимания. Артем, как бы она к нему ни относилась, все же был продюсером от бога. Вместо того чтобы создать клонированный коллектив девочек-припевочек, которые пару-тройку лет приносили бы ему неплохой капитал, беспроигрышно участвуя в сборных концертах и «прочесывая» провинциальные залы, он придумал «Паприку» – гремучий коктейль из несовместимых на первый взгляд ингредиентов.

Учитывая, что одна из участниц группы, Инна, была его женой, он мог пойти по протоптанной дорожке – вложить деньги в красавицу супругу, нанять ей педагога-вокалиста, снять несколько умеренно стильных клипов и попытаться получить от всего этого разумные дивиденды. Но нет, вместо этого он окружил Инну весьма колоритными девушками, не менее яркими, чем она сама...

Их было трое.

Инна – классически красивая блондинка, чей год рождения тщательно скрывался от окружающих. Было ей слегка за тридцать. Возраст критический для особы, которая зарабатывает на жизнь, кривляясь на сцене в короткой золотой мини-юбочке. Выглядела Инка, конечно, куда моложе, потому что полжизни проводила в салонах красоты и тренажерных залах. Женя искренне не понимала, как можно так строго себя ограничивать и не стать при этом форменной истеричкой. Инна вот уже пять лет не ела мяса, не пила чая, кофе и спиртного, ежедневно истязала свое загорелое худенькое тело контрастными обливаниями, болезненными медовыми массажами и упражнениями с гантелями. Она воплощала собой банальный образец мужской фантазии: блондинка, скорее высокая, большеглазая (от природы у нее были темные глаза, но, чтобы не выпасть из образа, Инна носила светло-голубые линзы), большеберотая, длинноногая, складная, как профессиональная исполнительница латиноамериканских танцев. Инна была в группе негласным лидером и считалась солисткой – тому способствовал не столько возраст, сколько родственные связи. Все же «Паприка» в какой-то степени и затевалась для того, чтобы прославить нордическую красавицу.

Деятнадцатилетняя Дашка – полная ее противоположность. Урожденная блондинка, она красила свои длинные и гладкие, как у кинематографической индианки, волосы в иссиня-черный цвет. Дашка производила впечатление почти демонического: кожа бледная, глаза огромные, ярко накрашенный рот смотрелся рваной раной на худеньком лице.

Ну и Женя. Женя – это вообще отдельная песня. Если и Инну, и Дашу можно было назвать красавицами, то Женя вряд ли попала бы даже под определение «симпатичная». Про себя она говорила снисходительно и с некоторым вызовом: «Да что уж там, урод уродом». Она была рыжая, и обошлось тут без всякой краски для волос. Черты ее лица казались слишком мелкими, чтобы физиономия могла прослыть хотя бы запоминающейся. Нос вздернутый, как вешалка для кухонных полотенчиков. Капризно изогнутые губы непростительно тонки. И вдобавок все эти прелести щедро усыпаны мелкими бурыми веснушками, точно яблочный пирог корицей. Ни при каких иных обстоятельствах обладательница подобных «неформатных» красот не попала бы в девчоночью поп-группу, если бы в один прекрасный день судьба-индейка не столкнула ее с продюсером Артемом Иртеневым. Но у Жени был голос – не Дашуткино нежное блеяние, не Инкино приятное, грудное слабенькое воркование, а настоящий голос. Только для девушки, пожалуй, слишком низкий и басовитый, но этот штрих придавал ей дополнительного «изюма». Правда, от репертуара ее коробило – Женя была девушкой в ярко выраженном рок-стиле, и ей мечталось и впредь не пускать розовые сопли...

Короче, участницы группы «Паприка» были непохожи друг на друга, как пришельцы с разных планет. И поэтому они не то чтобы полюбились, но сразу запомнились публике.

Стоя у самого края сцены и нервно сжимая ладошкой микрофон, Даша машинально, на автомате открывала рот, без труда попадая в знакомую до последней нотки фонограмму. А сама, слегка прищурившись, напряженно всматривалась в зрительный зал, стараясь, чтобы ее ищущий взгляд не очень бросался в глаза окружающим. Жаль, что разместившиеся за круглыми столиками зрители были освещены куда хуже, чем девушки, зажигательно пританцовывающие на сцене. Даша ничего не видела, кроме силуэтов и полустертых лиц.

Ну ничего, она ведь может под каким-нибудь предлогом спуститься в зал и после концерта. Хотя на корпоративных вечеринках такое и не поощрялось. Для поедающих деликатесы гостей Даша была всего лишь обслуживающим персоналом, может быть, рангом чуть выше, чем спующие между столиками официантки.

Но она что-нибудь придумает, выкрутится. Всегда можно, например, соврать, что во время выступления у нее отлетела сережка.

Ей надо, надо во что бы то ни стало спуститься туда, где за одним из столиков затаился мужчина ее мечты. То есть этого мужчину она никогда не видела, но он вполне мог таковым оказаться. Какой романтичный сувенир прислал он ей в примерную – это вам не банальные розы и даже не бриллиантовое кольцо, грубо намекающее на благосостояние и социальный статус тайного воздыхателя. При всем своем легкомыслии банальных жестов Даша не любила.

В этот раз... В этот раз таинственный некто, интересы которого представлял неразговорчивый посыльный в униформе, преподнес ей глобус из темного бельгийского шоколада. Не бутафорскую имитацию, а самый настоящий глобус, на котором была четко прорисована политическая карта мира. И в кружочек, помеченный заманчивой надписью «Прага», было воткнуто бумажное сердечко, на котором убористым почерком написано: «Ближайшие выходные? Мы вдвоем? Да или нет?»

Даша разволновалась, а девчонки принялись хором над нею потешаться. Надо сказать, у них был на то повод, и не один. В прошлом месяце, например, Даша рискнула отправиться на свидание с таинственным обожателем, который на протяжении полугода писал ей длинные письма. Она решила, что мужчина, способный на сентиментальное стихосложение (несколько раз он посвящал ей трогательно-корявые сонеты), вряд ли может быть опасен. В итоге все едва не закончилось групповым изнасилованием. А в прошлом году, когда их сценическая карьера только набирала обороты, Дашка отважилась явиться на сходку какого-то липового фан-клуба «Паприки», организованного непонятно кем. Из чердачного помещения, которое арендовал этот лжеклуб, ее забирал наряд милиции.

Женька с Инной почему-то считали Дашу воплощением никчемности, ветрености и непростительного легкомыслия. За дурочку ее, короче, держали. А вот и зря. Потому что амбиции у нее такие, что никакой дурехе и не снилось. Первое – рано или поздно она станет лидером группы «Паприка». Инка, конечно, сдавать позиции не собирается, да и Даше недостает стержовинки, чтобы ее нагло подсиживать. Но солистка ведь не вечна – по Дашиным девятнадцатилетним меркам, из Инны давно уже песок сыплется. Второе – примелькавшись в «Паприке», она убедит Артема, что ее сольное развитие принесет ему гораздо больший доход. А если Иртенев окажется из упрямых, то она бесппроблемно другого продюсера подыщет. Третье – ей повезет в любви, честное слово. По-другому и быть не может, ведь Даша не сидит сложа руки, как некоторые фаталистично настроенные особы ее возраста. Нет, она ищет, старается, вертит тщательно причесанной головой направо и налево, выискивая потенциального спутника жизни. И пусть кто-то скажет (вернее, все говорят), что в девятнадцать лет рановато задумываться о жизненном благоустройстве. Она, Дашута, расхохочется наглецу в лицо. Но только когда на безымянном пальце ее правой руки будет долгожданное золотое колечко...

– А ваша девочка избила Деда Мороза! – доложила Артему распорядительница вечера, визгливая женщина истерического типа с башней неестественно рыжих кудрей на голове.

– Что? – удивился тот. – Как избила? Которая?

– Та, что пострашнее...

Инна дернула Артема за рукав:

– Идем уже.

Но тот отмахнулся от нее, как от надоедливово игрового щенка. Она вздохнула – кому, как не ей, было известно, что после таких вот концертов у Артема всегда бывает плохое настроение. «Таких вот» – означает провальных. Артем был максималистом и идеалистом – ему казалось, что каждый выход группы «Паприка» на сцену должен быть феерическим зрелищем. Адекватный в прочих деловых вопросах, он почему-то никак не мог понять, что, когда спишь по четыре часа в сутки, просто невозможно источать энергию и оптимизм. А предновогоднее время – самое тяжелое...

– Нет, от Женьки пора избавляться, – сквозь зубы процедил он, – похоже, она не понимает, какое одолжение ей сделали. Где она была бы, если бы не я.

Инна прикусила накрашенную перламутровой помадой губу. У нее был несклочный характер, но иногда соседи по шоу-террариуму казались невыносимыми.

– Ладно, пошли, – буркнул Артем, – естественно, она знает, что натворила, поэтому теперь до завтра мы ее не увидим.

– Я только губы подкрашу, и едем, – улыбнулась Инна и, пока он не успел возразить, юркнула в туалет. Запершись в одной из кабинок, она извлекла из оранжевой круглой сумочки мобильный телефон и нервными пальцами набрала знакомую комбинацию цифр.

«Абонент не отвечает или временно недоступен», – в который раз вежливо объяснил ей механический голос. Инне захотелось размахнуться и швырнуть крошечный аппаратик в кафельную стену, но она сдержалась – нордическим блондинкам повышенной степени безупречности не стоит устраивать сцены в общественном туалете модного ночного клуба. Как он может так с ней поступать? Ладно уж, к будничной холодности и занятости она смогла бы привыкнуть – в отличие от большинства классических блондинистых дам Инна Иртенева не была слишком гордой. Но как же он мог проигнорировать ее в канун Нового года, когда она уже придумала сотню отговорок, миллион интеллигентных предложений, чтобы сбежать от мужа и поехать к нему?! Пусть они не могут быть вместе в сам праздник, но какая возмутительная причина помешала им отметить его заранее?!

– Инна, ты там долго? – послышался из-за двери усталый голос Артема.

Еле справившись с раздражением, она ответила, что уже выходит. С ума сойти, он ее уже возле туалета подстерегает! Даже в уборной она не может найти желанного уединения!

Когда Инна вышла, на ее губах цвела вполне благожелательная улыбка. Как профессиональный фокусник прячет белого кролика в шляпе, так и она могла легко спрятать нарастающую тоску за спокойной приветливой маской.

– Я тебя заждался. – Артем улыбнулся в ответ. Похоже, за те пять минут, что она провела в туалете, настроение у него улучшилось. – Слушай, давай сегодня не будем заезжать ни в какие рестораны. Отправимся пораньше домой. Я так устал.

– Конечно, – со вздохом согласилась она.

– Ты выпила свои витамины?

– Конечно, – повторила Инна.

– Извини, что опять напоминаю. – Поцелуй, запечатленный продюсером Артемом Ирतेвым на щеке супруги, был скорее дежурным, чем нежным. – Ты же знаешь, что тебе нельзя полнеть.

– Конечно, – в третий раз произнесла Инна. У нее просто не было сил подойти к диалогу более творчески и покопаться в собственном словарном запасе. Настроение ее было безвозвратно испорчено – на весь оставшийся день.

А у Даши было новое пальто. С ума сойти – алое, с пышным лисьим воротником! И в пальтишке этом она казалась самой себе красивой и роковой, почти как голливудская дива сороковых, только вот на физиономии строгой красавицы из прошлого едва ли могла появиться такая широченная самодовольная улыбка. Даша быстро разочаровывалась в мужчинах, зато саму себя она любила искренне и безоговорочно, с фанатичностью религиозного адепта. Впрочем, это невинное самолюбование полностью оправдывалось ее нежным возрастом.

Надвинув на лоб кокетливую кожаную шляпку цвета фуксии, Даша выскочила на улицу и мелкими шажочками засемила по направлению к стоянке такси (мелкими – потому что на двенадцатисантиметровых шпильках походку Гулливера изобразить проблематично).

– Даша! – вдруг окликнул ее мужской голос, идентифицировать который она с ходу не смогла. И неудивительно, у нее было столько знакомых, в том числе и мужчин. – Даша! Вы без машины? Вас подвезти?

Обернувшись, она оказалась лицом к лицу с высоченным мужчиной в длинном каракулевом пальто. У него были густые выющиеся волосы и глаза чуть навывкате. Нет, этот вроде ей не знаком. И чего ему в таком случае, спрашивается, надо? Неужели этот солидный и сдержанный с виду мужчина относится к поклонникам поп-завываний, которыми потчевала неприхотливую аудиторию группа «Паприка»? Скорее, он был похож на завсегдатя консерватории.

На всякий случай Даша решила интеллигентному незнакомцу не хамить. Но и любезничать с ним смысла не имело, поэтому она ограничилась нейтральным:

– Ну?

– Дашенька, как хорошо, что я вас догнал, – обрадовался дядька, – вы так быстро исчезли.

Она пожала плечами:

– А по-вашему, я должна была еще и ковровин в гримерной пропылесосить?

Он с готовностью рассмеялся ее грубоватой шутке.

– Я просто очень хотел с вами поговорить. Это не займет много времени.

– О чем? – насмешливо поинтересовалась она. – Разве мы знакомы?

– Никогда не имел чести. Меня зовут Алексей. Алексей Путинцев... А вам не холодно?

Она и правда мерзла в своем роскошном, но не по сезону легком пальто. Да и сапожки Дашины были созданы не для русских зим, и перчатки подкачали.

– У меня здесь машина недалеко. Давайте я вас домой отвезу.

– Ну вот еще! Я на такси поеду. – Она кивнула в сторону стоянки. – И вообще, мне пора.

– Ладно, придется тогда здесь спросить, – улыбнулся он. – Даша, вам понравился мой подарок?

– Подарок? – недоуменно переспросила она, и только в тот момент до нее наконец дошло. Ну конечно же, шоколадный глобус! Она же сама высматривала в зале таинственного дарителя. И ей так хотелось взглянуть в лицо оригинала, который преподнес ей такой сюрприз. Правда, почему-то она рассчитывала, что он окажется куда моложе. – Вы имеете в виду... – Даша нахмурилась, как бы припоминая. За свою девятнадцатилетнюю жизнь она успела усвоить одно из правил игры – ни в коем случае нельзя допустить, чтобы мужчина чувствовал себя единственным и уникальным поклонником и дарителем.

– Я подарил вам шоколад, – интеллигентно напомнил он, – и хочу подарить еще кое-что.

– Кольцо с бриллиантом и трехпалубную яхту? – шутливо оживилась она.

– Европу, – серьезно ответил он. – Даша, я понимаю, что веду себя нагло... Может быть, у вас были какие-то планы на Новый год... Но если нет, то приглашаю встретить его со мной в Праге.

Что бы сделала на ее месте любая рассудительная девушка? Естественно, отправила бы этого Алексея Путинцева восвояси, в лучшем случае одарив своим телефонным номером, чтобы оставить возможность познакомиться поближе. Но Даша никогда не причисляла себя к большинству.

– В Праге? – задумчиво прищурившись, уточнила она. – А вы меня не разыгрываете? С чего это вам везти меня, первую встречную, в Прагу на Новый год?

– Кто вам сказал, что вы для меня первая встречная? – возмутился Путинцев. – А может быть, я в вас уже давно влюблен?

– Так вы все-таки поклонник «Паприки». Странно...

– Почему странно? – рассмеялся он.

– Просто я привыкла видеть на лицах наших фанатов подростковые прыщи, – усмехнулась Даша.

– Дашенька, я поклонник не вашей группы, а лично ваш, – мягко поправил Алексей, – и, как ваш самый горячий поклонник, не могу не заметить, что вы окончательно замерзли.

– Есть немного, – честно призналась она.

– Смею напомнить, что мое предложение насчет «подвезти до дома» остается в силе.

– Даже не знаю... – засомневалась она, – а вы точно не маньяк?

– Покажите мне человека, который на этот наивный вопрос ответит «нет». – Он приобнял ее за плечи: – Пойдемте. У меня в машине есть «Бейлиз» и шоколад.

Даша, по своему обыкновению, влюбилась мгновенно, как будто всесильный некто вдруг смилостивился и включил в ее организме соответствующую кнопку.

Еще десять минут назад среди ее мысленных приоритетов была оранжевая сумочка из кожама, которую Даша на прошлой неделе высмотрела в одном из модных бутиков. Она вяло прислушивалась к монологу Путинцева (он что-то вещал о том, как он любит путешествовать и недвусмысленно намекал на собственную небанальность, живописуя не какую-нибудь исхоженную вдоль и поперек Анталию, а экзотические уголки земного шара типа Перу или Южной Африки), а сама думала: так как же поступить с запавшей в душу сумочкой? Купить или ну ее?

И черт его знает, что же произошло в эти самые десять минут, что заставило ее совершенно иными глазами взглянуть на Путинцева. Может быть, тому способствовало роковое обстоятельство – он тоже заговорил о багаже и упомянул, как один из его любимых чемоданов «Луи Виттон» по ошибке заслали в Бразилию вместо Аргентины. Три ха-ха, она тут размышляет о сумке из свежесрезанного дерматина, а у него чемодан «Луи Виттон», к тому же своеобразно путешествующий по миру.

А может, все дело в его взгляде? Который в свою очередь тоже пустился в путешествие – по ее телу. Этот смелый, нахальный взгляд совсем не вязался с его сдержанным поведением.

В общем, в какой-то момент Даша поймала себя на мысли, что разглядывает сидящего рядом длинноволосого пижона в каракулевом пальто с нарастающим интересом.

Он, видимо, тоже это почувствовал, во всяком случае, его рука уверенно устроилась на Дашином колене.

– У меня в Праге много знакомых. Деловые партнеры, друзья. Мы можем остановиться в отеле, а можем – в особняке моего друга. Сам он сейчас в Америке, но оставил мне ключи.

– Тебе денег на гостиницу, что ли, жалко? – усмехнулась она.

– Если ты предпочитаешь «Хилтон», то нет проблем. Но ты не видела особняк. С белыми колоннами, в самом престижном районе. Светильники от «Тиффани», все в белых тонах. Швейцар и целый штат прислуги. Бассейн, сад...

– Ух ты! – недоверчиво выдохнула Даша. – Теперь тебе осталось сказать, что зовут тебя Дедушкой Морозом.

– Так оно и есть, – подмигнул Путинцев. – Ну так что? Бесшабашная Даша принимает мое предложение?

– Бесшабашная Даша должна подумать, – кокетливо сказала она. А сама подумала: «Это просто какая-то сказка. Черта с два я теперь отпущу такого мужика!»

Глава 2

Ну а Женя отправилась в бар на Новом Арбате. Она всегда любила ночь. В детстве она врала родителям, что собирается спать, а сама либо предавалась классическому развлечению мучимых бессонницей подростков – чтению под одеялом с туристским фонариком, либо просто бессмысленно курила в форточку. Курила она лет с двенадцати, даже странно, что эта «милая» привычка соседствовала с сильным и чистым голосом.

Уже давно ей не было резона баловать себя постельно-фонарными чтениями. Вот уже несколько лет Женя жила одна, снимала небольшую, но уютную квартирку у черта на куличках, в Ясенево. Так что у ее бессонных ночей теперь был совершенно иной привычный сценарий. Сначала она расправлялась с вяло текущим временем (а заодно и с последними остатками здравого смысла) с помощью ударных порций алкоголя, потом знакомилась с очередным охотчим до легкой добычи мужчиной, и они «продолжали банкет» вместе. Ну а потом, пошатываясь и держась друг за друга, выходили на рассветную улицу, ловили такси. И если одноразовый кавалер был не женат, то мчались к нему, в ином же случае тащились к Жене в Ясенево. Причем у нее был странный принцип – она не любила просыпаться в обществе этих случайных знакомых. Пробовала пару раз, но по утрам ее подташнивало от невыносимого приступа брезгливости: она видела чужие спутанные сальные волосы, раскиданные по ее свеженькой наволочке, мрачно слушала, как чужой, хриплый с похмелья голос что-то фальшиво напевает за плотно закрытой дверью ее ванной, и ей становилось не по себе. Нет, утренняя игра в романтику («Я тебе позвоню, любимая!» – «Не утруждай себя, я сама позвоню!») совсем не для нее. Ночь – совсем другое дело; ночь легко прощает и ее собственное порочное легкомыслие, и некоторую потасканность выбранных ею кавалеров.

Итак, Женя отправилась в одно из своих любимых ночных заведений с единственной благородной целью – поскорее напиться в хлам. Бармен-мулат приветствовал ее низким шутливым поклоном, Женя отреагировала принужденным подмигиванием.

В бейсболке, джинсах и мятой толстовке с изображением скейтбордиста на груди, она совсем не была похожа на поп-звезду и могла сколь угодно громким голосом требовать у бармена двойную текилу, оставаясь при этом неузнанной.

Жене нравилось разглядывать посетителей бара, это было куда увлекательнее любого кинопросмотра. И в этот раз окружение ее не разочаровало. Женино внимание сразу же привлекла странная компания, оккупировавшая соседний столик. Два небритых мужчины средних лет, застенчивого вида юноша и три прехорошенькие девушки постшкольного возраста. Классика жанра – брюнеточка, блондинка и рыженькая. Все три радовали глаз природной краснощекостью и бантикообразной формой пухлых полудетских губ.

«Прямо как мы, – подумалось ей, – тоже трио, и чувствуется между ними некая общность. Сестры, может быть? Или просто учатся вместе, подружки? Интересно, что у них может быть общего с этими помятыми дядьками?»

Женя прислушивалась к оживленному разговору за соседним столиком. И вскоре поняла, что оказалась невольной свидетельницей собеседования: девушки пытались устроиться на работу, мужчины с пристрастием их допрашивали, а юнец сидел молча и машинально помещивал в тарелке салат «Цезарь».

– Пятьдесят процентов – это нормально, – густым голосом сказала рыжая.

– Шутишь? – усмехнулся один из нанимателей. – Кто же тебя возьмет за пятьдесят? Тридцать максимум.

– Они над нами издеваются, – вполголоса пробормотала блондиночка, но никто на нее внимания не обратил.

– Ну хорошо, тридцать пять. Учитывая стартовую цену, не такие уж плохие деньги получаются.

– Значит, мы работаем, а вы купоны стричь будете? – сузила чересчур ярко накрашенные глаза рыжая. Видимо, она была в этой троице за старшую.

– А мы, по-вашему, баклуши, что ли, бьем? – мягко возразил мужчина, закуривая. – А кто клиентов ищет? А кто вам водителя предоставляет? А охрана?

«Мать честная, да они же собираются стать проститутками!» – сообразила Женя. Она мгновенно потеряла интерес и к текиле, и к бармену-мулату, который давно уже искоса на нее посматривал. В ней вдруг пробудилась мать Тереза, и Женя решила во что бы то ни стало отговорить колоритную троицу от необдуманного шага. Ну или хотя бы попытаться. Девочки-то молоденькие совсем, вчерашние школьницы, и профессия жрицы любви, видимо, кажется им вполне романтической.

– Но если групповуха, то сорок пять, – продолжила тем временем рыжая, – а то знаем мы такое, пробовали.

– По телефону говорят, что двое. Приезжаем – а там мальчишник, – подхватила брюнетка, голос которой оказался гнусавым, с капризными нотками.

– Ладно, – милостиво согласился один из сутенеров, – считайте, что об этом договорились. Медицинское обследование каждый месяц за счет фирмы. Надеюсь, закидонов по части анального секса и тому подобного у вас нет.

Довольные девицы улыбались и ели мороженое.

А Женя подумала, что, когда она устраивалась на работу (кем только ей не довелось побывать до того, как она попала в «Паприку», – и тарелки в ресторане разносила, и на кассе в бистро сидела, и в ателье младшим помощником работала), она смущалась и нервничала куда больше этих дев-акселераток. Несмотря на то, что никто и не думал интересоваться ее эротическими предпочтениями или хотя бы размером ее на первый взгляд и вовсе отсутствующей груди.

Желание делать добро быстро испарилось. Женя потеряла интерес к разговору и собралась было переключить внимание на бармена-мулата (а что такого? он вполне ничего, к тому же весьма красноречиво на нее посматривает! так почему бы и не он? интересно, а смена у него во сколько заканчивается?), но тут вдруг юноше, сидевшему за сутенерским столиком, надоел монотонный процесс перемешивания салата. Он рискнул поднять голову и оглядеться вокруг. Женя задержала взгляд на его розовощеком круглом лице – где-то они уже, кажется, встречались. Да и он уставился на нее пристально – либо она ему понравилась (что почти исключено, Женя никогда не нравилась мужчинам с первого взгляда; ее амплуа – самостоятельное проявление агрессивной инициативы), либо он тоже лихорадочно рылся в недрах своей памяти.

– Женя? – наконец неуверенно спросил он. – Женя Балашова?

– Верно, – немного растерялась она, – а ты...

– Миша Мамонтов! – радостно отрапортовал он. – Мы с тобой в одном классе учились!

– В одном классе, – усмехнулась она. Школьные годы никогда не числились среди ее любимых воспоминаний. И одноклассников она недолюбливала, потому что они были неотделимой частью занудства под названием «учеба».

Хм, Миша Мамонтов... Она, конечно, его вспомнила. Никогда они не были друзьями и даже за одной партой не сидели. Да пожалуй, за все годы школьного соседства они и парой слов не обмолвились. Женя считалась сорванцом и общалась преимущественно с теми, кто прогуливал уроки, чтобы покурить дешевых сигарет на заднем дворе школы. А Мамонтов был классическим очкариком-ботаником, который даже шпаргалками не пользовался. И вот теперь он сидит за соседним столиком в компании великовозрастных сутенеров и проституток-малолеток (интересно, а сам-то он к какому лагерю принадлежит?) и с улыбкой рассматривает ее. А Женю его внимание раздражает, потому что она вдруг вспомнила о том, что выглядит не ахти:

полустертый грим не красит ее веснушчатую кожу, и глаза накрашены слишком грубо, и толстовка мягкая и неженственная. Зато Мамонтов похорошел и расцвел, точно девица на выданье. При нем больше не было вечных атрибутов юности – очков и прыщей. Его русые волосы отросли и были собраны в хвост. Надо сказать, Жене всегда именно длинноволосые мужчины нравились. Но Мамонтов... Нет, об этом даже думать нельзя, его и мужчиной в полной мере не назовешь. Бывшие одноклассники ведь мужчинами не считаются, во всяком случае, в Жениной системе координат.

– Жень, а можно мне за твой столик пересесть? – вдруг спросил он и уже с готовностью ухватился за свои пожитки – сумку-борсетку и пенный белый коктейль в высоком запотевшем бокале.

«Девчоночье пойло», – презрительно подумала о коктейле Женья, которая предпочитала напитки крепкие и неразбавленные.

– Да пересаживайся, – вяло пригласила она. Компания Миши Мамонтова не вызывала у нее энтузиазма. Но почему-то ей было неловко его отшивать, ведь он так искренне ей обрадовался.

Миша, что-то вполголоса сказав одному из сутенеров, пересел за Женин столик.

– Ты изменилась, – улыбнулся он, – тебе заказать что-нибудь?

– У меня есть деньги, – ухмыльнулась Женья, – надо будет, сама закажу. Ты тоже изменился.

– А я тебя по телевизору видел, – признался Мамонтов, – все думал, ты это или не ты.

– Видимо, я, – пожала плечами Женья. Ей нравилось чувствовать себя звездой именно в мамонтовском присутствии. Так она словно доказывала всем тем, кто когда-то безапелляционно записал ее в оторвы, что они были не правы. – Ты тоже расцвел, как я погляжу.

Она кивнула в ту сторону, где работодателями и соискательницами горячо и по-деловому обсуждались проблемы предохранения.

Мамонтов смутился и уткнулся взглядом в свой идиотский, украшенный взбитыми сливками коктейль.

– А, ты об этом. Ты что-то слышала?

– Было сложно не услышать, – рассмеялась Женья, – и жалко не подслушать. Я вообще такое впервые вижу. Мамонтов, а ты-то каким образом очутился в этой славной компании? Продаешь или продаешься?

Ей нравилось его поддразнивать, ведь он так благодарно реагировал на ее сарказм: его лицо покрылось свекольными кляксами, взгляд словно прирос к столу, а вспотевшие пальцы нервно теребили коктейльную соломинку.

– Ну зачем ты так? – наконец выдал он. – Если тебе интересно знать, я вообще к этому отношения не имею. Это мой отец...

– Что-о? – хохотнула Женья. – Слушай. По этому поводу надо выпить. Мне текилу. Ты у нас что пьешь, Мамонтов, молочный коктейль? – Она говорила не всерьез, но неожиданно попала в точку.

– Я за рулем, – оправдался он. – Женья, но я же не виноват. Да, у моего папаши такой вот бизнес... Что же теперь...

– Да я тебя ни в чем не упрекаю, что ты! – расхохоталась она, а сама подумала: «Гипертрофированно приличный сыночек сутенера – великолепный экземпляр в мою коллекцию!»

Помимо сильного голоса был у Жени еще один блистательный талант – вляпываться в неприятности. Сама она называла свой характер мягким словом «авантюрный». Посторонние же говорили о ней более резко – чокнутая.

Вся Женина жизнь, казалось, была подчинена саморазрушению. Как будто невидимый чертик, вечно при ней находившийся, все время толкал ее в спину. Ведь у ее сумасшедшинки не было никакого социального оправдания. Наоборот, по логике она должна была вырасти в

спокойную домашнюю девочку, которую с раннего детства холили-лелеяли, кормили обедами из трех блюд плюс компот, закидывали подарками. Так нет же, в двенадцать лет она впервые сбежала из дома. Не из бомжатника-притона, где спят вповалку бездумно зачавшие ребенка алкоголики, а из двухкомнатной квартиры родителей-инженеров, где в полированном серванте привычно поблескивает хрусталь, а простыни всегда выглажены и тонко пахнут ароматической отдушкой. Женю же с детства тошнило от родительской благопристойности; ее тянуло туда, где дворовые заводилы передавали по кругу неумело свернутый косячок. Она лишилась невинности в тринадцать лет. А в четырнадцать вдруг стала школьной звездой, рассказав о своей сексуальной жизни скандальному периодическому изданию. Снабженная Жениными цветными фотографиями статья называлась «Школьницы и секс», и в то лето родители держали ее под замком, не позволяя сходить в одиночестве даже к ларьку с мороженым. На пятнадцатый день рождения ей была торжественно вручена гитара – отец надеялся, что музицирование хоть как-то отвлечет дочь, от которой все чаще попахивало в лучшем случае вином. В шестнадцать она собрала свою панк-группу. Едва ли наивные гитародарители предполагали, что музицировать их чадо будет в компании сальноволосых юношей, чьи тела были украшены сережками самого разного калибра. Серьги были везде – в пупке, бровях, ноздрях и даже – вот кошмар-то, а? – в сосках. Поддавшись общественному влиянию, украсила свое лицо и Женя – правда, ее сережка выглядела вполне невинно и пронзала всего лишь бровь.

Через год эта самозваная группа распалась, а окончательно съехавшую с катушек Женю родители отправили в «концлагерь», в миру известный как наркологическая лечебница. Целых восемь месяцев она завтракала, обедала и ужинала какими-то таблетками неясного назначения, а по совместительству ненавидела весь мир. Зато потом родители поставили ей всего одно условие – не выпивать. От Жени не требовали ни поступления в престижное высшее учебное заведение, ни заработков. Лишь бы жила, ела хорошо и запивала еду чайком да кефирчиком, как язвенник-трезвенник.

Почти два года Женя просидела дома. Сначала ей было скучно и тошно, а потом привыкла, научилась убивать время. Читала, брэнчала на гитаре, бездумно тарасилась на телеэкран.

Выходить из дома ей разрешалось лишь под каким-нибудь социально спокойным предлогом: день рождения подруги, попытка устроиться на работу или – тьфу ты! – свидание. Но на свидание Женя не могла быть приглашена даже теоретически, ведь среди ее знакомых числились лишь экс-пациенты вышеназванной клиники, все как один двинутые.

С таким раскладом никогда бы ей не вырваться из порочного круга, если бы не пресловутая улыбка фортуны.

Однажды бывшая Женина одноклассница, тихоня и пай-девочка, ни с того ни с сего пригласила Женю в караоке-клуб. Раньше Женя только ухмыльнулась бы презрительно. К ней, шпанистой и уверенной в себе, отчего-то часто тянулись паиньки и мямли. Но в своей новой, лишенной светских удовольствий жизни Женя была готова на все, лишь бы вырваться из провонявшей кислыми щами квартиры, где ласково улыбающиеся родители подкладывали на ее тарелку оладушков. Как будто Женя была не молодой девушкой, а рождественским гусем.

И вот в том караоке-клубе Женя не удержалась и потратила скудные карманные деньги на кружку темного пива. Это была первая за два года порция алкоголя! Глаза ее быстро загорелись, и она потянула руки к микрофону, чтобы исполнить что-нибудь разудалое – да хоть бы и «Калинку-малинку»!

И надо же было случиться такому – пока Женя с яростью, понятной только ей, исполняла знакомую песню, за одним из дальних столиков ужинали Артем Иртенев и его супруга Инна, которые как раз обсуждали карьерные перспективы последней. Тридцатилетней Инне мечталось петь. Вернее, Инна была не против, а вот Артем ее стремлению всячески способствовал. Ему хотелось иметь жену-звезду, рядом с которой можно важно лопатиться от гордости. Инне

написали парочку приятных, но ничем не выделяющихся песенок и даже сняли весьма посредственный клип. Всем было понятно, что ничего путного из этого проекта не выйдет, – для настоящей звездности ей не хватало ни обаяния, ни мощи. Вот тогда-то Иртеневу и пришла в голову гениальная идея – окружить ее колоритными поющими девушками и создать группу – нечто особенное, а не банальное трио девочек-припевочек, подобранных не по вокальным данным, а по цвету волос. Одна кандидатура у них уже была – забавная и совсем молоденькая девушка Даша, которую Артем нашел на каком-то второразрядном прослушивании. А вот с третьей вопрос не решался.

И тут его задумчивый взгляд упал на ничего не подозревающую Женю...

– О чем задумалась, Балашова?

Женя встряхнула головой и увидела перед собой улыбающегося Мамонтова.

– Да так, ни о чем. Слушай, я была рада с тобой повидаться и все такое... Но я так устала, у меня концерт был. Давай как-нибудь созвонимся, а сейчас я отчаливаю домой, а?

– Как-нибудь – значит, никогда? – с доброжелательной улыбкой уточнил он. – Ну почему вы, девушки, никогда не можете сказать как есть. Вали, мол, отсюда, Миша Мамонтов, ты мне совсем несимпатичен, к тому же у меня есть любовник, крутой успешный мужик.

– Нет у меня любовника, крутого успешного мужика, – машинально ответила Женя, но потом спохватилась: с какой стати она обсуждает свою личную жизнь с бывшим одноклассником! – Но тебя это интересоваться не должно!

– Откуда тебе знать? – нагло усмехнулся Мамонтов. – Может, меня ты заинтересовала?

– Слушай, Миш, я много чего умею, – вздохнула Женя. – Я лучше всех целуюсь и могу филигранно заехать коленом в причинное место. Но вот кокетничать – это не мое.

– Тогда я выбираю первое, – нахмурился Мамонтов.

– Что?

– Ты говорила про поцелуй и удар в пах. Если это весь ассортимент твоих навыков, то я выбираю первое.

– Ну и урод! – беззлобно ответила Женя, хотя и сама понимала, что фраза прозвучала не грубо и цинично, как ей хотелось бы, а как-то по-детски. – И вообще, я здесь задержалась. Мне пора.

Она поднялась из-за стола и, как техасский пьяница из вестерна, швырнула несколько пятисотрублевых купюр чуть ли не в лицо бармену. Мамонтов тоже поднялся и засуетился.

– Поздно уже. Как ты одна?

– Тебе-то что?

– Давай провожу.

– Я слишком далеко живу, чтобы ты так любезничал. – Женя несколько раз обернула вокруг шеи полосатый растянутый шарф.

– А у меня как раз полно времени. – Миша деловито застегнул куртку, словно это был уже вопрос решенный. – Отца обещал подбросить, а у него еще разговоров минимум на полтора часа.

Женя покосилась в ту сторону, где мамонтовский родитель спаивал разругавшихся малолеток. Вообще-то совсем неплохо доехать, не тратясь при этом на такси. Правда, ей придется поддерживать светский разговор. С другой стороны, она всегда может сослаться на плохое самочувствие – головную боль еще никто не отменял. И потом, раз у него всего час с лишним, то утомительные попытки прорваться к ней в квартиру на полуночную чашечку кофе (а на самом деле ради порции быстрого секса) категорически исключены.

– Ладно, – решила она, – но я в Ясенева живу.

– Вот и замечательно. – Открывая перед ней дверь бара, Мамонтов, как и положено приличному непьющему юноше, пропустил ее вперед.

На улице было тепло и снежно. Он усадил ее в машину и врубил «Радио Ретро». Под оптимистичные звуки «Санни» она откинулась назад, прикрыла глаза и подумала, что уже сто лет никто не провожал ее домой просто так, по собственной инициативе, старомодно и бескорыстно.

Глава 3

Звали его Валерием. Инна познакомилась с ним случайно, у кого-то в гостях. Даже непонятно, откуда у них нашлись общие знакомые. Все же она пусть и не первой величины, но звезда, а он гордо именовал себя поэтом, хотя за всю свою жизнь едва ли зарифмовал пару строк.

Было ему лет сорок. Мужчинам определенного типа увядание к лицу. Вот и Валерия зрелость сделала более мужественным и ярким. Темные густые волосы с проседью на висках, упрямая бороздка на лбу между широкими бровями, усталый взгляд. Инна сразу обратила на него внимание и даже шепотом поинтересовалась у хозяйки квартиры, кто тот брюнет в стильном пиджаке из тонкой кожи (откуда ей было знать, что это единственная его приличная вещь). Хозяйка вечеринки с энтузиазмом удовлетворила Иннино любопытство и не только снабдила ее полной информацией о Валерии, но и представила их друг другу. Проявляя такой открытый интерес к незнакомому мужчине, Инна рисковала спровоцировать семейный скандал, ведь в гости она пришла вместе с Артемом. Но все обошлось. Артем не был маниакальным ревнивцем и ничего не заподозрил, когда его жена отправилась покурить на балкон в обществе непризнанного поэта Валерия. А она тем временем милостиво снабдила нового знакомого личными телефонными номерами.

Через неделю он позвонил. К тому времени Инна, само собой, прошла все круги ада, уготованные влюбленным с первого взгляда девушкам, упрямо дожидаящимся заветного телефонного звонка.

Они встретились, он даже пригласил ее в ресторанчик среднего класса, где Инна появиться никак не могла, ведь ее лицо было узнаваемым. Ей только и оставалось, что после короткой беседы романтического характера (разговор происходил в ее «Лексусе» с тонированными стеклами) напроситься к нему в гости. По этому примитивному сценарию будут строиться сотни их будущих свиданий.

Жил он в огромной квартире на Чистопрудном бульваре, бывшей коммуналке, из которой можно было бы сделать конфетку при минимальном вложении средств. Которых у Валерия не было.

Инна не сразу поняла, что ее любовник (быстро обретший статус любимого) катастрофически беден. Он упрямо не признавался, чем зарабатывает на жизнь, своим призванием считая поэзию. А она забивала его холодильник продуктами и иногда умудрялась преподносить ему в виде подарков одежду или туалетную воду. Он принимал их неохотно и даже несколько снисходительно, а ее, Инну, это умиляло.

С тех пор прошло полгода, но ее к нему отношение не утратило первоначальной остроты. Можно сказать и больше: с каждым днем обычно хладнокровная Инна погружалась в его снисходительную любовь, как в топкое болото.

...Предновогоднее утро, снежное и в меру морозное. В квартире уютно пахнет индийскими палочками-вонялочками и кофе. Ты уютно устроилась в кровати, сформировав вокруг себя теплую одеяльную норку. Ты рассчитываешь подольше поспать, потому что ночь предстоит не из легких. Ты еще не решила, где именно, как и, главное, с кем будешь встречать Новый год, но точно знаешь, что встреча эта будет, как и обычно, безумной. Сквозь сон ты с досадой припоминаешь, что, кажется, забыла отключить телефоны. Вставать тебе лень, да и глупо это – ну какой идиот, спрашивается, будет беспокоить тебя звонком в такое ленивое зимнее утро?!

И только ты собираешься провалиться в уютную яму утреннего сна, как – о нет, только не это! – тебя грубо будит пронзительная телефонная трель...

Чертыхаясь, Женя выбралась из-под одеяла и, натываясь на углы, побрела в кухню, где на столе среди забытых окурками пепельниц валялась радиотрубка.

– Да! – рявкнула она так неприветливо, что у любого нормального человека сразу же отпало бы желание продолжить с ней этот бессмысленный утренний диалог.

– Женечка? – ласково поприветствовал ее бодрый родительский голос. – Ты уже проснулась?

– Еще нет, – сбавив тон, ответила она, – ма, давай я тебе попозже позвоню.

– Между прочим, уже половина двенадцатого, – не сдавала позиций мама.

– Но у меня вчера был концерт! А сегодня Новый год! – взмолилась Женя. – Могу я хоть один день в году нормально отоспаться?!

– По поводу Нового года я и звоню, – как ни в чем не бывало продолжила мама. – Во сколько ты к нам приедешь?

– Что? – опешила Женя.

– Как, ты не помнишь? Мы же договорились, что в этот раз встретим Новый год вместе. Твоя двоюродная сестра из Питера приезжает. И я пригласила соседей по даче. Будет весело!

«Ага, обхохочешься», – мрачно подумала Женя. С детства она испытывала беспричинную, но стойкую неприязнь к любым разновидностям семейных торжеств. Семейные праздники, будь то дни рождения, поминки или отмечания общезначимых дат, похожи друг на друга, как опята с одного пня. Сначала все собираются в провонявшей луком кухне, чтобы нарезать огромные миски салатов. Во время кулинарного действия его участники умудряются десять раз поссориться, потому что какая-нибудь тетя Аня считает, что морковку надо резать кружочками, а баба Саня с пеной у рта доказывает, что кубиками. Потом все торжественно усаживаются за стол, чтобы выслушать стандартный набор подходящих к случаю тостов. Самый интересный момент праздника – оперативное уничтожение закусок. Если бы после этого можно было попрощаться и покинуть захмелевшее общество... Но нет, кто-нибудь включает «Старые песни о главном», и приходится изображать припадок веселья, танцуя среди румяных родственников. Все заканчивается тем, что какой-нибудь двоюродный дядюшка падает лицом в торт и его богатырский храп заглушает постылую музыку. Когда праздник подходит к концу, стратегической задачей каждого ловкача является быстро опрокинуть в себя несколько рюмок водки и изобразить разудалое пьяное веселье. Потому что самых трезвых заставят мыть бесчисленные салатницы и тарелки...

– Что-то я не помню, чтобы мы об этом договаривались, – пробормотала Женя.

– Зато я помню! – жизнерадостно воскликнула мама. – Несколько месяцев назад. Кажется, это было в конце лета. Я огорчилась тогда, что мы редко видимся, а ты сказала, что зато вместе встретим Новый год.

Женя грустно вздохнула – она и правда могла ляпнуть такое, но только для того, чтобы побыстрее отвязаться от гипербобщительной семьи, с которой у нее давно не было ничего общего, кроме группы крови.

– Ма, но я запланировала уже...

– Ничего слышать не хочу! – перебила та. – Женя, можешь не приезжать помогать. Я знаю, что ты ненавидишь готовить...

– Сидеть за столом я тоже ненавижу.

– Женя, но это же твои родственники! И ты должна проявить к ним хоть капельку уважения, – отчеканила мама.

– Вот уж не понимаю почему. Я их всех вижу от силы раз в год, почему я должна их любить?

– Твоя двоюродная сестра специально приедет из Питера, чтобы познакомиться с тобой! Неужели тебе неинтересно?

– Нет, – честно призналась Женя.

– В общем, так. Это не обсуждается. В половине одиннадцатого максимум ты должна быть здесь. И оденься, пожалуйста, попримечнее.

В этом месте Женина родительница допустила единственную, но роковую ошибку. Она вполне могла бы со скрипом добиться желанного успеха, если бы не давила на беспутную дочь, а с виртуозностью талантливого скрипача сыграла на ее нервах ноктюрн под названием «Как тебе не стыдно, ведь мы тебя любим». Женя поломалась бы, как кокетка, которая никак не может отважиться на поцелуй с симпатичным незнакомцем, но в конце концов согласилась бы, и многочисленные родственники имели бы сомнительное удовольствие созерцать за общим столом ее мрачное лицо.

Но Женя с детства терпеть не могла, когда ею манипулируют. Поэтому стоило маме надавить на газ, как она решила настоять на своем.

– Ма, я тебе уже объяснила, что у меня другие планы. Может, мы и договаривались об этом летом, но ты должна была напомнить мне заранее. Ты прекрасно знаешь, какая у меня жизнь. Я просто физически не могу все в голове держать.

– Да, я отлично знаю, какая у тебя жизнь! – повысила голос мама. – Непутевая! Никчемная!

– Я сейчас брошу трубку, – честно предупредила Женя.

– Ты и раньше относилась к самой себе наплевательски, но этот шоу-бизнес так называемый окончательно тебя испортил. – Мама визжала, как бензопила в трудолюбивых руках лесоруба.

– Я сейчас брошу...

– Ты опять пьешь!

– Я не пью, я....

– Женя, не спорь, – с пафосом праведницы воскликнула мама, – ты пьешь. И очень много! И если так пойдет дальше, мы просто обязаны будем снова принять участие в твоей судьбе. Ты же не хочешь вернуться в наркологическую клинику?

– Это что, шантаж, что ли? – не выдержала наконец Женя. – Если так, то весьма посредственный и дешевый. Все, с меня хватит. Я действительно вешаю трубку. – И, подумав, Женя с саркастической усмешкой добавила: – С Новым годом, мамочка!

Но на этом ее утренние злоключения не закончились. Казалось бы, что может быть хуже дня, начавшегося со справедливых, но таких тошных родительских нотаций? Нет, оказывается, бывает и ужаснее. Например, когда в твою квартиру ни с того ни с сего вламывается мужчина, о котором ты и думать забыла. И который к тому же является твоим бывшим одноклассником, что само по себе не располагает к оптимизму.

Мишка Мамонтов позвонил в ее дверь, когда Женя, сидя на подоконнике, пыталась прикурить последнюю сигарету с помощью отсыревшей спички. Получалось плохо, к тому же – это что-то новенькое – пальцы ее мелко дрожали. Эх, пора завязывать с бессонными ночами, питанием через пень-колоду и ежедневной алкогольной интоксикацией. Все чаще Женя видит замаскированное вежливостью удивление в глазах людей, которым она по какой-то причине вынуждена сообщать свой возраст. Если так пойдет и дальше, долго на сцене она не продержится.

Но не в этом суть. Самое главное, что в новогодний день ее спокойствие было нарушено человеком, которого ей совершенно, ну совершенно не хотелось видеть.

Женя застонала от бессильной злости, когда распознала его в дверном глазке. И дверь решила было не открывать. Но и изображать собственное отсутствие смысла не имело – судя по тому, как настойчивы были его попытки ей надоесть, так просто уходить он не собирался.

– Чего тебе? – не открывая двери, спросила она.

– Привет! – просиял Мамонтов. – Впустишь?

– Это еще зачем?

– Я кое-что тебе принес. – Он неловко пытался спрятать за спину пышный букет.

Женя ненавидела романтические атрибуты начинающих отношений – все эти розочки-цветочки, ванильные свечки, пенные ванны на двоих (вы когда-нибудь пробовали вдвоем поместиться в стандартную ванну? Это уже не эротическая игра, а спортивное упражнение, которое следует выполнять, крепко стиснув зубы и изо всех сил стараясь острыми коленями и локтями не покалечить телеса возлюбленного), интимные ужины. От всего вышеперечисленного веяло неестественностью, желанием подстроиться под навязанные свыше стереотипы. Не было способа надежнее навсегда потерять Женино расположение, чем подарить ей цветы. А если в качестве бонуса еще и сказать, что у нее глаза красивые, – пиши пропало, она в вашу сторону больше и не посмотрит.

– У меня аллергия на цветы, – прокричала она, – и вообще, я занята.

– Цветы не тебе, – расхохотался Мамонтов. – Это для одной моей подруги. А тебе я принес перчатки. Ты вчера забыла их у меня в машине.

Ее взгляд заметался по прихожей. С вещами, как и с людьми, она церемониться не привыкла. Грязный шарф, весь в затычках, валялся в углу, прямо на испачканных грязью ботинках. Перчаток не было.

– Ну ладно, – решила она, приоткрывая дверь, – только ко мне нельзя. У меня не убрано.

Мамонтов был румяным и имел свежий, выспавшийся вид. Между ними бездонная пропасть, неужели он не замечает? Таких людей Женя просто ненавидела.

– Где мои перчатки?

– Что, даже спасибо не скажешь?

– Спасибо. – Она протянула руку, но вместо перчаток он все-таки вручил ей букет. – Это еще что? Ты же сказал...

– Соврал, – перебил он, – надо же как-то с тобой бороться. А вот и они. – Перчатки были заботливо упакованы им в подарочный пакет.

– Ладно, спасибо, что не выкинул. Мне пора.

– Балашова! А где ты встречаешь Новый год? – немного застенчиво спросил он.

Никто бы не поверил, что Женя, без пяти минут поп-звезда, об этом даже не думала. У нее просто не было времени строить разнообразные планы. Единственное, о чем она мечтала, – это выспаться и отдохнуть. А уж в чьей компании прослушать праздничное обращение президента и пропустить пару рюмочек, она всегда найдет. С компанией у Жени Балашовой никогда не было проблем.

Мише она недолго думая соврала о куче планов. Он сразу поскущел, плечи его опустились.

– Ну конечно, я так и знал. Естественно, у тебя сотня приглашений. А я собирался к другу на дачу...

Она демонстративно зевнула и посмотрела на запястье. Правда, часов на нем не оказалось.

– Что ж... Если у тебя что-нибудь сорвется... Ты позвони. У нас будет весело – фейерверки, шашлыки...

Женя пообещала, что непременно позвонит, если что.

Мамонтов поспешил распрощаться. Когда он ушел, она долго искала хотя бы одну емкость, отдаленно напоминающую вазу, чтобы поставить букет. Ну а когда ничего не нашлось, без сожаления выкинула цветы в мусоропровод.

– С Новым годом, Дашенька, – промурлыкал Алексей Путинцев.

В радостном предвкушении момента вручения подарков девушка весело откликнулась на поздравление. Они стояли у огромного, во всю стену, окна отеля «Хилтон». Внизу медленно следовала по своим делам мрачная туманная река, над которой кружили ленивые чайки. Даша с восторгом ожидания чуда смотрела на возвышающиеся над городом кукольные готические башенки и размышляла: что же все-таки он ей подарит?

А вдруг бриллиантовый комплект с диадемой, как загадочной принцессе? А вдруг документы на автомобиль? А вдруг он заметил ее пылкую страсть к моде и заранее приобрел шикарные сапоги «Поллини»?

На круглый волосатый животик потенциального щедрого дарителя она старалась не смотреть, как будто этой неприглядной реальности и вовсе не существовало. И какого черта он расхаживает по номеру в казенном белоснежном халате, беззастенчиво выставив напоказ свои порозовевшие после душа телеса? Как будто Даша не романтичная молоденькая девушка, которая в дочки ему годится, а какая-нибудь непривлекательная толстеющая нервная жена!

Если бы кто-нибудь сказал Даше, что ее невинная страсть к приключениям определенного характера в народе именуется «древнейшей профессией», она искренне удивилась бы и начала пылко рассуждать о поисках любви. Ей было всего девятнадцать лет, и она не помнила, сколько у нее было мужчин. Но могла поклясться чем угодно, что в каждого из них она была влюблена – в большей или меньшей степени. А то, что всех их объединяло одно – богатство или полезная для нее профессия, ну и что, бывают же в жизни совпадения.

– Спустимся в ресторан? – нетерпеливо предложила она.

Специально для праздника у Даши было заготовлено умопомрачительное платье от Веры Ванг. Она представила, как вытянется его лицо, когда он увидит ее еще не тронутый первыми признаками старения стан, потрясающе красиво задрапированный струящейся тканью, и мечтательно улыбнулась. Даша и сама чуть не расплакалась от умиления, взглянув на себя в этом платье в примерочной. А ведь она-то как никто другой привыкла к собственной совершенной красоте. На новичка же вроде Путинцева ее образ должен произвести эффект удара в солнечное сплетение. От одной этой мысли ей становилось так тепло, как будто она находилась не в отеле, а в уютном охотничьем домике у камина.

Однажды (она уже и не вспомнит, когда именно это произошло) один оскорбленный ее невниманием мужчина в порыве отчаяния сказал, что в любви ей не повезет никогда, потому что она, Даша, до предела эгоцентрична. И зря она мечется по городу, судорожно перехватывая заинтересованные мужские взгляды, – все равно из этой затеи ничего не выйдет. Заинтересовать Даша может, а стать любимой – нет. Потому что любовь – это взаимность и отдача, она же способна на глубокое, сложное и искреннее чувство только к одному человеку – самой себе.

– Так что насчет ресторана? – повторила она, отгоняя навязчивые мысли прочь. Почему-то в таких ситуациях ей часто вспоминался тот разговор. Чем старше она становилась, тем больше укреплялась в мысли, что, возможно, тот мужчина был прав.

– Вот уж нет. Мы же с тобой не немецкие бургеры, чтобы отмечать Новый год в ресторане, правда?

– Ты хочешь предложить что-то особенное? – оживилась она. Ну вот, так она и знала, сегодняшняя ночь будет похожа на сказку. Сейчас выяснится, что он специально для нее арендовал вертолет. Или даже целый замок – а что, в Праге полно древних замков, так что наверняка это не очень дорого стоит.

– Конечно, – подмигнул он, – надеюсь, у тебя есть удобная теплая одежда?

– Надеюсь, я не зря везла с собой платье? – кокетливо улыбнулась она.

– Твое шикарное платье мы оставим на десерт. – Он приобнял ее за плечи. От него невыносимо пахло туалетной водой «Кензо». – А сейчас лучше надеть джинсы и теплые ботиночки, потому что мы отправляемся на площадь.

– Куда? – Даша понадеялась, что Путинцев шутит.

– На Староместскую площадь, в самое сердце Праги, куда же еще?

– Но... Что мы там забыли? Это же для туристов, – растерялась Даша.

Это его развеселило:

– А мы с тобой кто, британская королевская семья? Одевайся скорее, а то не успеем занять место. Лучше прийти пораньше. А потом вернемся в отель, ты переоденешься, я закажу в номер шампанское, и...

Даша чуть не задохнулась от возмущения:

– Но ты говорил, что меня ждет чудо!

– Ты прямо как капризный ребенок, – умилился он, – конечно, чудо. А сама Прага – это не чудо разве?

– Но ты говорил...

– Я тебе говорил, что хочу встретить с тобой Новый год в сердце Европы, – немного похолодел он, – ты согласилась. Так в чем же проблема?

Даша растерянно отвернулась к окну. Конечно, он прав, она сама во всем виновата. В очередной раз она бросилась в омут новых отношений без запасного парашюта. И в очередной раз потерпела катастрофу.

Красоты незнакомого выстуженного города теперь казались ей враждебными. Даша стояла у окна и тихо ненавидела и башенки, и реку, и горлающих чаек. За ее спиной невозмутимо сутился Путинцев, которому хотелось во что бы то ни стало не опоздать на площадь.

Золотая клетка, о которой она мечтала, в очередной раз обернулась для Даши самой обыкновенной мышеловкой.

Закрывшись на балконе, Инна снова и снова набирала номер Валерия. На этот раз телефон был включен, но трубку никто не поднимал. Незастекленный балкон был единственным местом в квартире, где она могла уединиться без тайных опасений быть подслушанной и разоблаченной.

Они собирались встретить Новый год в модном ресторане на Арбате, но в последний момент Артем передумал. Самодур от природы, тридцать первого числа он проснулся вялым и злым. И сразу же сообщил жене, что он слишком устал, поэтому шумного праздника не будет. Надо сказать, Инна особенно не расстроилась. Чем меньше народу, тем легче играть роль довольной жизнью знаменитой жены преуспевающего продюсера. Они наспех обзвонили друзей и шапочных знакомых, заподозренных в неприкаянности. И каждый из них был просто счастлив отменить намеченные планы и отправиться в гости к чете Иртеневых. В итоге у них собрались две начинающие певицы, поэт-песенник с застенчивой женой в жутком мохеровом свитере с блестками, бывшая манекенщица с мужем бандитской наружности, хозяин разорившегося ночного клуба и режиссер-постановщик цирковых программ. Инна позвонила в ресторан и заказала праздничные закуски, за которые пришлось переплачивать, Иртенев съездил в супермаркет за конфетами и шампанским. Даже елочку они успели купить в самый последний момент.

И все было бы ничего, если бы Валерий внезапно не исчез.

– Алло, – наконец ответили на другом конце трубки.

Инна в первый момент решила, что не туда попала, потому что голос был женским, звонким и требовательным. Она хотела было с извинениями отсоединиться, но в самый последний момент что-то заставило ее передумать и пригласить к телефону Валерия. Каково же было ее удивление, когда незнакомая девица буркнула: «Сейчас!» И в следующую секунду ее приветствовал хриплый голос, от которого в последние несколько месяцев колени ее подгибались, как у ягненка на льду.

– С Новым годом, Инулик. – Валерий явно выпил и пребывал в замечательнейшем расположении духа. И это тоже привело ее в замешательство, ведь она привыкла к неумолимой депрессивности его настроения.

– И тебя тоже... Валера, а ты где? Я уже два дня не могу тебя поймать. Я же волновалась. – Она понимала, что ведет себя, как школьница, влюбившаяся в учителя физики. Но поделаться ничем с собой не могла. Ей даже жарко стало, несмотря на то, что она находилась на стылом, продуваемом балкончике в одном вечернем платье из тончайшего шелка.

– Я тоже тебе звонил, но сама же знаешь, как это непросто в Новый год. Линии перегружены.

Она не стала изображать из себя сварливую жену, поджидающую веселого гуляку со скалкой в руке, и не напомнила, что вчера никакого праздника не было и телефон ее был совершенно свободен.

– Понимаю... А где ты отмечаешь праздник?

– Как бы я хотел встретить его с тобой! Но я в большой компании, – понизил он голос, – и здесь невыносимо скучно. Скоро все напьются и будут петь под караоке песни Филиппа Киркорова.

Она рассмеялась, на этот раз даже не натянуто.

– У нас то же самое. Валерик, а хочешь, я совру что-нибудь и приеду?

– Не надо, зачем ты говоришь такие глупости? Мы увидимся завтра. Не хочу, чтобы из-за меня у тебя были проблемы.

– Ты прав, – вздохнула она, – мне пора идти. Иртенев может заметить, что меня долго нет.

– Кушай хорошо, – шутливо напутствовал Валерий погрустневшую Инну, – наверняка у вас полный стол деликатесов. Я вот собираюсь съесть целый таз оливье...

– Ты же знаешь, что мне ничего есть нельзя, – тихо сказала Инна. – Для меня заказали отдельное меню, как для смертельно больной.

– Вот за это я твоего мужа ненавижу.

– Только за это? – шутливо спросила она.

– Мало того, что тебе вовсе не надо худеть, так я бы на твоём месте ещё и подумал о том, как бы поправиться.

– За это я тебя и люблю, – улыбнулась Инна, – тебе я нравлюсь такой, какая есть. А муж настаивает, чтобы завтра я опять легла в какую-то частную клинику сгонять воображаемые жиры!

– Что это значит? – Голос Валерия казался взволнованным. – Разве мы завтра не увидимся?

– Боюсь, что нет, – огорченно сказала Инна, – но я приеду к тебе, как только расправлюсь с делами.

– Позвонишь оттуда?

– Непременно. Я тебя люблю!

– С Новым годом, счастье мое, – промурлыкал он.

Женин новый год начался с похмелья средней степени тяжести. Веки упрямо не хотели разлепляться, в голове словно гудел рой встревоженных пчел, а во рту было смрадно и сухо, как в мусорном бачке.

С глухим стоном она перекатилась на другую половину кровати и тут же с пронзительным воплем подскочила, наткнувшись на чье-то горячее обнаженное тело. Приведение страдающего организма в вертикальное положение было слишком резким – комната заплесала перед ее глазами. Зато Женя умудрилась разглядеть знакомую мебель. Так, она находится у себя в квартире, уже хорошо. Единственное досадное «но» – в ее постели мирно похрапывал какой-то мужик, кажется, незнакомый. Она с трудом сфокусировала на нем взгляд. Хоть режьте, Женя

не могла припомнить, каким образом сей полуголый индивид попал в ее квартиру. Он был совершенно не в ее вкусе – лыс и розовощек, с густой рыжей порослью на впалой груди.

«Рожа еще та!» – с отвращением подумала Женя, нащупывая босыми ногами тапочки.

Чтобы прийти в себя, ей требовался продолжительный контрастный душ. Она немного взбодрится, опрокинет чашечку кофе и выставит нежеланного гостя вон.

Держась за стенки, Женя добрела до ванной.

– Мой мармела-а-адный, я не права! – вдруг раздалось из-за плотно закрытой двери пение, гнусавое и фальшивое. – Джага-джага!

Женя замерла как вкопанная. Что за чертовщина?! Кто это посмел оккупировать ее душ, да еще и как ни в чем не бывало распевать там всякую гадость? Но самое главное – как этот некто попал к ней домой, неужели его она тоже сама пригласила? Женя хотела было интеллигентно постучаться, но потом махнула рукой. В конце концов, она находится в своей собственной квартире, и она в смятении, а значит, имеет полное право поступать так, как ей заблагорассудится.

Глубоко вдохнув, она рывком распахнула дверь. И взвизгнула, потому что под душем нежился абсолютно голый двухметровый детина с фигурой профессионального тренера по фитнесу. Она не смогла бы ответить, что смутило ее больше – его нагота (хотя было бы странно, если бы он принимал ванну в костюме-тройке и лаковых башмаках) или его гигантские габариты.

Испуганный ее неожиданным появлением качок повел себя нестандартно – он подпрыгнул, стукнувшись при этом макушкой о низкий потолок, и тоненько завизжал.

Женя пришла в себя первой.

– Чего орешь? – хрипло спросила она.

Амбал сдернул с крючка ее любимое полосатое полотенчишко и застенчиво прикрыл им предмет, которым при иных обстоятельствах наверняка гордился.

– Ты кто? – задала она еще один бессмысленный вопрос.

– Вова, – пробормотал детина. – Ну ты и напугала меня.

– Так тебе и надо. Что ты здесь делаешь? – пошла в атаку Женя. Она быстро сообразила, что опасаться его смысла нет.

– Как это? – Он выглядел обиженным. – Жень, ты чего?

Она в ужасе откинулась назад и прислонилась спиной к холодной кафельной стене. Какой кошмар, ему известно ее имя. А это может значить только одно – вчера она дружелюбно с ним общалась. Так почему же она ничего не помнит?!

– Тебе нехорошо? – улыбнулся амбал. – Наверное, не надо было вчера мешать абсент с водкой.

– Я пила абсент?

– Ты вылила его на стол, потом подожгла этот стол, потом потушила и принялась слизывать остатки абсента, – послушно объяснил Вова.

– Ну а ты-то откуда взялся? – в отчаянии воскликнула она. – Ты и еще тот тип, который дрыхнет в комнате?

– Как, ты и нас не помнишь? – немного расстроился амбал. – Мы познакомились на улице. Мы ловили такси, и ты тоже. Машин было мало, и мы поехали в одной, потому что всем было по пути. А потом ты сказала: «Шоу маст гоу он» и пригласила нас к себе.

– Все ясно, – пробормотала она. – Ладно, пока я буду в душе, можешь позавтракать. Если найдешь что-нибудь в холодильнике, конечно. Но потом, ты уж не обижайся, Вов, но буди своего приятеля и проваливайте.

Поджав губы, Вова кивнул. Когда он, замотанный в полотенце, выходил из ванной, Женя тронула его за локоть:

– Слушай, у меня еще один глупый вопрос.

– Ну?

– А у нас... у нас что-то было?

Он посмотрел на нее, как Жене показалось, с жалостью. Потом улыбнулся и сказал:

– Знаешь, как я обычно себе говорю в таких ситуациях? Если я ничего не помню, значит, ничего и не было. – С этими словами он вышел из ванной и плотно прикрыл за собой дверь.

А Женя медленно осела на пол, на пушистый коврик для душа, и тихо простонала: «Какой кошма-а-ар!»

Амбал оказался дисциплинированным малым: когда она вышла из душа, квартира была пуста. На кухонном столе дымилась нетронутая чашка кофе, на тарелочке лежали поджаренные в тостере хлебцы. К этому гастрономическому раю прилагалась и криво нацарапанная записочка: «Доброе утро, Женя! Было приятно с тобой познакомиться. С Новым годом!»

– С новым счастьем! – пробормотала она, отсалютовав кофейной чашечкой своему зеркальному отражению.

Да уж, год начался что надо. Куда же катится этот мир? А вместе с ним куда и она, Женя, катится?

Ее квартира выглядела так, словно в ней устраивали обыск. Одежда выворочена из шкафов и разноцветными мятыми кучами валяется на полу. Вся посуда перепачкана, на подоконнике – битое стекло, в котором она с ужасом признала дорогой сервиз из чешского хрусталя, который родители вручили ей на прошлый день рождения. При воспоминании о родителях ей стало совсем грустно. Может быть, позвонить им? Хотя нет, плохая идея: мама наверняка начнет читать ей мораль, Женя опять сорвется, они, как всегда, поссорятся...

На автоответчике мигала красная лампочка. Женя решила хотя бы прослушать поступившие сообщения – это будет символизировать ее возвращение в социальную жизнь.

Половина голосов, поздравляющих ее с наступившим годом, была Жене незнакома. Среди прочих позвонили и ее коллеги по «Паприке». У Инны был грустный голос. Женя нахмурилась: что-то в последнее время их солистка совсем, что называется, «сдулась». Ходит как бесплотная тень, разговаривает мало. Неужели это все из-за диет, на которых помешан ее супруг? Зато Дашка была, как обычно, веселой и бодрой. На заднем плане слышался мужской смех. Женя вздохнула: когда-нибудь Дашута точно вляпается в серьезные неприятности. Но потом усмехнулась: а сама-то она чем лучше?

«Женя, жаль, что у тебя не получилось встретить Новый год с нами, – сказал голос Миши Мамонтова. – Было здорово, жарили шашлыки. Тебя не хватало. Если захочешь, позвони!»

Она улыбнулась. Наверное, ей надо было поступить по-другому, как делают все нормальные люди. Сначала заехать на праздничный ужин к родителям, подарить отцу кашемировый свитер, а маме – духи «Шанель», радостно завизжать от наигранного восторга, когда они вручат ей очередной никчемный набор сковородок. Потом за ней заехал бы Миша Мамонтов и отвез бы ее за город, к оранжевому костру. И вместо того чтобы поджигать облитый абсентом стол, она бы мирно пила красное сладкое вино и ела нежный шашлык из баранины.

Повинуясь какому-то невнятному внутреннему импульсу, Женя сняла трубку и набрала номер Миши. Настенные часы показывали половину одиннадцатого – наверняка его мобильный еще отключен, ведь это же новогоднее утро, так что она ничем не рискует.

Но мамонтовское бодрое «Алло!» раздалось после первого же гудка. Женя заколебалась – сказать что-нибудь или бросить трубку?

– Алло! – повторил Миша. – Жень, не слышно ничего! Давай я тебе перезвоню!

Ах да, у него же определитель номера. Черт бы побрал эти современные технологии. И ее похмельную сентиментальность заодно.

– Не надо перезванивать, – сказала она и сама не узнала свой голос, настолько охрипшим и грубым он был.

– Женька! С наступившим тебя!

– И тебя тоже, – мрачно пробормотала она. Господи, зачем, ну зачем она ему позвонила?!

– Ну как отметила? – весело поинтересовался Мамонтов.

Она хотела было сказать правду: «Отвратительно». Но потом передумала. Он ведь начнет расспрашивать, что не так, и не будет же она в ответ рассказывать о том, как нашла в своей ванной незнакомого амбала!

– Нормально.

– У тебя уставший голос, – заметил он.

– Зато у тебя подозрительно бодрый. Миш, я просто поздравить тебя хотела. Давай потом как-нибудь созвонимся, а?

– Ну уж нет, Балашова, – рассмеялся он, – чувствую, нехорошо тебе. Вот что, ты пока приводи себя в порядок, а я через полчаса подъеду. Отправимся в какую-нибудь кофейню, буду тебя зеленым чаем отпаивать.

– Да я и сама...

– Все, я вешаю трубку, – решительно перебил Миша, – никакие возражения не принимаются. Ты сама подумай, как будет здорово – глотнешь свежего воздуха, съешь огромный бутерброд. А то у тебя наверняка душно и пахнет окурками.

Женя повела носом и поморщилась – как он догадался? Неужели у нее на лице все написано? Неужели она с первого взгляда производит впечатление девушки, в квартире которой пахнет застоявшейся пепельницей?! Ничего не скажешь, романтическое впечатление... Может быть, ей поэтому так с мужчинами не везет? То есть недостатка в оных у Жени никогда не было, но все они исчезали из ее жизни после одной-двух совместных ночей.

– Ладно, – решила она, – приезжай.

Глава 4

Он появился на пороге ее квартиры через двадцать минут – раздражающе свежий и румяный, хоть сейчас отправляй в рекламу семейной зубной пасты! За его спиной маячила незнакомая хмурая женщина средних лет. Неужели Мамонтов притащил с собой свою мамашу?! Вот еще не хватало...

– Привет! – Его прохладные губы запечатали на ее щеке смачный поцелуй. – Познакомьтесь: Женя, Марина. Марина – наша домработница. Я подумал, что, пока мы завтракаем, она у тебя немного приберется и проветрит. Ну все, идем!

Она и рта раскрыть не успела, как Мамонтов вытянул ее на лестничную клетку. А в квартире осталась хозяйничать незнакомая Марина. С одной стороны, поведение Мамонтова показалось ей возмутительным. Ничего себе – да они и в школе почти не общались, а он уже позволяет притаскивать в ее дом каких-то теток! С другой стороны, она не могла не согласиться, что идея с уборкой просто замечательна. Женина-то домработница отпросилась в новогодний отпуск и появится не раньше четырнадцатого числа. До этого времени ее квартира превратится в настоящий притон.

У подъезда была припаркована мамонтовская «девятка».

– Ты за рулем? – удивилась она. – Трезвенник, что ли?

– Мало пью, – смутился он. – Как ты относишься к итальянской кухне?

– Хорошо, но мы же только позавтракать собирались...

– Судя по твоему виду, тарелочка спагетти будет нелишней, – подмигнул он, галантно распахивая перед ней дверцу машины.

– А что не так с моим видом? – проворчала Женя, забираясь внутрь.

У нее было всего двадцать минут, чтобы из потасканной похмельной неудачницы превратиться в свежую принцессу. Женя постаралась на славу. Она вымыла голову и наскоро высушила волосы феном – так что пахло от них не табаком и блевотиной, а мятным шампунчиком. Она почистила зубы, протерла кубиком льда лицо и поддурманила щеки. Она надела свежую белую блузку, которая, согласно рекомендациям глянцевого журнала, призвана освежать цвет лица.

– Все в порядке, – рассмеялся Миша, заводя мотор, – ты красавица.

Она подозрительно на него покосилась – издевается, что ли? Но нет – лицо Миши Мамонтова оставалось серьезным. Он внимательно наблюдал за убегающей под колеса дорогой. А из автомагнитолы раздавалось: «Мой мармела-а-адный, я не права!!»

Высунув кончик языка, Даша склонилась над криво оборванным тетрадным листком. Без косметики, с гладко зачесанными назад волосами, в сиреневой махровой пижаме она была похожа на прилежную школьницу.

«Новогодние обещания», – круглым детским почерком было выведено на листке. Даша, как истинная идеалистка, каждый Новый год торжественно клялась самой себе стать серьезнее и лучше. Вот и в этот раз список ее обещаний перевалил за сотый пункт, а она все никак не могла остановиться – слишком уж много накопилось претензий к самой себе. Почти каждая фраза начиналась с частицы «не».

Например:

- не знакомиться на улице
- не есть больше трех десертов в неделю
- не пить газировку
- не пропускать спортзал

Или:

не соглашаться на секс после первого свидания
по возможности не соглашаться на секс после второго, третьего и четвертого свиданий
не влюбляться, но влюблять

Она как раз дописывала пункт: «Не фотографироваться обнаженной», когда в одной из ее сумочек весело зачирикал мобильный телефон.

Даша радостно понеслась в прихожую – она обожала телефонные звонки, с каждым из них упрямо связывая надежду на маленькое чудо. А вдруг, например, это звонит тот роскошный блондин, с которым она познакомилась на презентации нового аромата на прошлой неделе? Или тот известный актер, с которым у нее был мимолетный, но такой волнующий роман (классика жанра – Даша влюбилась, а он перестал отвечать на ее звонки), вдруг он наконец-таки опомнился и понял, что она и есть женщина из его сладких снов?! Бывает же такое – правда, преимущественно в романтическом кино, но все-таки...

Номер, высветившийся в телефонном окошечке, был ей не знаком.

– Алло! – Даша всегда старалась, чтобы ее голос звучал максимально эротично – никогда ведь не знаешь заранее, кто звонит, и надо на всякий случай произвести на невидимого собеседника неизгладимое впечатление.

– Даша Мерзлякова? – вежливо уточнил – черт бы его побрал! – женский голос, который звучал дружелюбно, но по-деловому.

– Да, – уныло согласилась она. – Кто это?

– Меня зовут Марина Ежова, я главный редактор журнала «Мачо».

– Да? – немного оживилась Даша. Журнал «Мачо» был одним из самых популярных изданий для мужчин. Неужели они хотят пригласить ее позировать для обложки?

– Я уже давно пытаюсь до вас дозвониться. Даша, недавно мы проводили социологический опрос, и пятнадцать процентов респондентов признались, что считают вас самой сексуальной женщиной России.

– Только пятнадцать? – немного разочарованно воскликнула она.

Марина Ежова глухо рассмеялась:

– Это очень много. И по этому поводу у нас есть к вам предложение...

– Я согласна, – перебила Даша, – а что за предложение?

– Какая вы очаровательная, – немного опешила Марина, – мы хотели бы пригласить вас позировать для разворота.

– Что, правда? – затаила дыхание Даша. Неужели это не розыгрыш? Ей и раньше приходилось позировать для журналов, но только в составе «Паприки». Она не была солисткой, поэтому никогда журналисты и фотографы не интересовались лично ею.

– Правда, – снисходительно усмехнулась Марина, – если вы не против, мы могли бы встретиться и подписать контракт. Съемки состоятся на следующей неделе, мы можем предложить вам гонорар в тысячу долларов.

– Здорово! – Даша нервно провела ладонью по раскрасневшемуся лицу. Мало того что она снимется для одного из самых известных журналов, так еще и деньги за это получит. – А вы будете снимать только меня? – подозрительно уточнила она. – Или всю «Паприку»?

– Только вас, – пообещала Марина. – Так когда вы сможете к нам подъехать?

«Да хоть сейчас!» – хотела ляпнуть Даша, но вовремя вспомнила, что она все-таки является звездой, а звездам негоже проявлять повышенный энтузиазм в общении с журналистами.

– Ну-у... – задумчиво протянула она, – даже не знаю... У меня вся неделя расписана. Сплошные интервью... Может быть, в начале следующей созвонимся?

– Дашенька, контракт надо подписать сегодня или завтра, – мягко возразила редакторша, – иначе ничего не получится.

– Что ж, – Даша все еще пыталась сделать хорошую мину при плохой игре, – тогда боюсь, что завтра...

– Но лучше сегодня, – невежливо настаивала Ежова, – чем раньше, тем лучше.
– Сегодня так сегодня, – покладисто вздохнула Даша. – Во сколько мне приехать?
– До четырех. Дашенька, вы ведь видели наш журнал?
– Конечно! – воскликнула она. – Иногда покупаю.
– Вот и здорово! – умилилась Марина. – Значит, вы в курсе, что это будет за съемка.
– В каком смысле? – немного насторожилась Даша.
– Наш журнал – эротический, – терпеливо объяснила собеседница, – так что это съемка будет топлес. Но уверена, что такую красивую и храбрую девушку это не может смутить...
– Топлес? – задумчиво переспросила Даша.
– Ну да, – ласково подтвердила Ежова, – топлес – это значит, что на вас будет...
– Да знаю я, что это значит, – отмахнулась Даша, – да только вот...
– Какие-то проблемы? – удивилась Марина.

– Да нет, просто... – Даша лихорадочно соображала. С одной стороны, ей безумно, до зубовного скрежета мечталось «прозвездить» в таком знаменитом издании, как «Мачо». Да еще и в гордом одиночестве, без Инки и Жени. Это же первый шаг к лидерству в группе! С другой... Что скажет на это Артем? Однажды она позволила себе сфотографироваться в полупрозрачном белье для какой-то третьеразрядной газеты. Белье казалось Даше вполне целомудренным, пока она не увидела сами фотографии. Артем тогда кричал так, что она едва не лишилась как минимум пятидесяти процентов слуха. – Послушайте, а вот в декабрьском номере у вас на развороте Камилла Кедрова... так вот, на ней боди. Она не голая, так, может быть, и я...

– Камилла Кедрова – суперзвезда, – устало вздохнула Марина, – ее лицо и так привлечет к нам читателей.

– А я? – жалобно спросила Даша. – Как же пятнадцать процентов ваших респондентов, которые считают, что я...

– Дашенька, простите, мне надо уходить на совещание, – перебила Марина. – У вас есть еще несколько часиков, чтобы все хорошо обдумать. К сожалению, с вами вариант с боди не пройдет. Читатели хотят видеть ваше тело. Так что, если надумаете... Кстати, а вы случайно не могли бы дать мне телефон вашей солистки Инны?

– Это еще зачем? – вполголоса пробормотала Даша. Не хватало, чтобы Инна увела у нее из-под носа такую «вкусную» съемку. И так она всегда первая, и в клипах ее лицо держится на экране на несколько секунд дольше, чем физиономии Жени и Даши. – Знаете что? Я согласна! – выпалила она.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Ежова. – Тогда мы вас сегодня ждем.

– Договорились.

Даша отсоединилась и вернулась к столу, на котором все еще лежал список новогодних обещаний. «Не фотографироваться обнаженной», – прочитала она. Даша показала списку обещаний язык, а потом скомкала бумажку и изящным метким броском отправила ее в мусорное ведро.

– Однажды я вышел на улицу мусор выносить, а дело зимой было. И вот топаю к помойке в дубленке и тапочках. И вдруг мне дорогу перебегают хомяк. Представляешь, хомяк! – округлил глаза Миша Мамонтов.

– И что? – засмеялась Женя.

– Видимо, кто-то выбросил бедолагу на помойку. Ну что мне оставалось делать? Я, конечно, хомку подобрал. Принес домой, посадил в банку и назвал Федотом. А на следующий день выяснилась душераздирающая подробность. Федот оказался не мужчиной в самом расцвете сил, как я наивно полагал, а... глубоко беременной самкой!

Женя прыснула, и темное пиво, которое она пила, оказалось на белой скатерти. Когда Мамонтов пригласил ее отобедать в бельгийском ресторанчике, она поначалу долго отнекива-

лась, ссылаясь то на головную боль, то на внезапно поступивший неотложный звонок. К ее оправданиям он, как всегда, отнесся с равнодушным холодком. Просто перебил ее: «Ну, я через сорок минут у тебя буду, Балашова, так что на твоём месте я бы успел хотя бы одеться. Ресницы можешь не красить, так уж и быть!» – и бросил трубку. Сначала она опешила от такой наглости и хотела вообще сбежать из дома – пусть потом ищет ее где хочет. В следующий раз не будет таким самонадеянным. Но потом рукой махнула – да ладно, зачем она так? Все равно делать тем бездонным вечером ей было нечего, а инквизиторской пыткой времени с целью последующего убийства оно же она может заняться и в сомнительной компании Михаила Мамонтова.

Женя приготовилась к скучному потреблению калорий, но им еще и закусок не принесли, а она уже успела понять, что Мамонтов на самом деле не такой уж простой паинька, каким может показаться на первый взгляд. Поверить невозможно, но с ним было интересно!

– И вот разродился мой Федот, – с трагическим вздохом поведал Михаил, – и с тех пор начался кошмар, правильнее даже сказать – ад. Сначала у меня было семь хомяков. Это было даже весело, я купил для них аквариумы и клетки. Ветеринара пригласил, жутко опытного, который определил пол малышей. Так я и рассадил их по клеткам – мальчиков с мальчиками, а девочек с девочками. Но то ли ветеринар был шарлатаном, то ли я что-то напутал... Короче, каждый раз в результате роковой случайности кто-то из хомяков «залетал». Через год их было уже больше пятидесяти.

– Да ты что?!

– Честное слово! Я и друзьям их дарил, и продавать пробовал.

– Стоял у метро с коробкой хомяков и выкрикивал: «Отдам в добрые руки грызуна, возможно, беременного»? – хихикнула Женя.

– А что ты смеешься? Примерно так все и было. И знаешь, иногда у меня покупали хомяков, вот! Я даже таким образом однажды с девушкой познакомился!

Женя и сама удивилась, отчего информация о мамонтовской пассивности, равнодушной к хомякам, острой иголкой ощутимо царапнула ее сердце, которое в иных случаях могло встрепенуться лишь от выпитой залпом рюмки абсента. Что это, ревность? Какие глупости, они ведь просто друзья. Хотя даже дружбой их отношения не назовешь. Так, приятельский треп со знакомым из давно забытого прошлого за кружечкой темного нефilterованного пива.

– Ну и как? – невпопад спросила она. – Красивая девушка, что ли, была?

– Ничего не скажешь, красивая, – вполне серьезно ответил Мамонтов. – Я в нее умудрился влюбиться по самые уши. Она актриса, «Щуку» закончила. Но сейчас это совсем не важно.

– Ну и почему же вы расстались?

Женя даже от пива отвлеклась. Она взглянула на Мамонтова совершенно другими глазами. Надо же, она его чуть было в девственники-неудачники не записала, а у него, оказывается, был роман с красивой – фу-ты ну-ты – актрисой! Хотя, может быть, он все врет, чтобы произвести на нее впечатление. Да и красота – понятие ну очень относительное. И на самом деле никакого романа у него и в помине не было. Или был, но – ха-ха-ха – сугубо платонический. Или был, и не платонический, но с толстозадой актрисулькой-второсортной, которая «звездит» исключительно в массовых сценах, в крайнем случае исполняет хрестоматийный душеспасительный монолог: «Кушать подано!»

Стоп. О чем это она тут призадумалась? Смешно даже – это же типичные мысли стервозно настроенных дамочек, которые ненавидят всех представительниц собственного пола без исключения. И строят друг другу сложносочиненные козни, и плетут чудовищной изобретательности интриги, и сочиняют друг про друга такие небылицы, что Айзек Азимов отдыхает. И уводят друг у друга кавалеров, которые подчас им совершенно не нужны.

– А кто тебе сказал, что мы расстались? – пожал плечами Миша.

Она чуть не поперхнулась. Так у него еще и девушка есть? Час от часу не легче. А что же тогда он делает в бельгийском ресторане субботним вечером с ней, с Женей?

– Мы не расставались, она меня бросила, – невозмутимо продолжил он, – и завела интрижку с режиссером, который потом снял ее в парочке эпизодов.

– Хм... – Женя обрадовалась, во-первых, тому, что Миша Мамонтов все же имеет статус одиночки, а во-вторых, пассия его оказалась-таки не подающей надежды молодой звездой, а неприметной эпизодницей (ха! Восторжествовала все-таки в Жене так называемая бабская дрянь!). Хотя сама она – ну вот честное слово – не имела на него никаких видов. Он был совершенно не в ее вкусе. Слишком уж холеный, да и молоденький совсем. Трогательная рыжая щетинка на подбородке, а ведь он наверняка хотел отпустить роковую небритость, как у Владимира Машкова... – Да, актрисы все такие. Знаешь поговорочку: путь на экран лежит через диван.

Он не улыбнулся. Из чего Женя сделала вывод, что Мамонтов до сих пор грустит по своей хомяковладелице. Ну и пожалуйста. Пусть тоскует по кому хочет, хоть по звезде Голливуда Шарон Стоун. Ей-то что?

– А на сцене? – спросил вдруг Мамонтов.

– Что?

– А на эстраде разве все не так? Я-то вообще далек от этого мира. Но сама знаешь, что в газетах пишут...

– Еще скажи, что ты веришь газетам, – фыркнула Женя.

– Нет, я верю тебе, – мягко улыбнулся Мамонтов. – Вот ты как попала на сцену?

– Подожди, дай-ка вспомню, – наигранно нахмурилась она. – Ах да, мне пришлось сначала переспать со звукорежиссером, тот познакомил меня с продюсером, которого я тоже удовлетворила. Да вот беда, оказалось, что продюсер не тот, что был мне нужен. Тогда я самостоятельно нашла следующего и напросилась в его постель. Ну и в его группу заодно. – После паузы она мрачно добавила: – Шутка.

– Ну и шуточки у тебя... – Мамонтов распустил галстук.

– На самом деле Иртенев, наш продюсер, подошел ко мне в караоке-клубе. Все банально.

– Так ты любишь караоке? – удивился Миша. – Странно, на тебя не похоже.

– Да не люблю я караоке! – Женя раздраженно отставила в сторону пивной бокал и вкратце рассказала ему историю своего появления в «Паприке», не утаив и предшествующие этому событию факты, которые большинству людей показались бы несовместимыми с репутацией порядочной девушки. Но Женя никогда за репутацией не гналась.

– Да уж... – покачал головой Мамонтов, когда она замолчала. Он даже не приступил к салату, который поставил перед ним официант, – видимо, Женина «правда жизни» отбила у него зверский аппетит, на который он жаловался, затаскивая ее в этот ресторан. – А я помню ту историю в школе... Когда ты рассказала журналистам о сексе в жизни восьмиклассниц, а тебя потом выгнали... – Он смущенно потупился: – О тебе вся школа говорила тогда.

– Могу вообразить. Но мне было как-то все равно. Кстати, те журналисты мне деньги заплатили. Так что изливала я душу не из чувства противоречия. Я плеер японский купила. Что мне, жалко правду, что ли, рассказать?

– Ты всегда была такая... независимая. – Он поковырялся вилкой в салате, но тут же положил столовый прибор обратно на накрахмаленную салфеточку. – А ведь ты мне и тогда нравилась.

– Что-о? – протянула она. – Что ты мелешь?

Женя прекрасно помнила себя, школьную. К собственной персоне она относилась с нехарактерной для девушек нежного возраста трезвостью. Она прекрасно понимала, что плохо промытое существо неопределенного пола с торчащими во все стороны волосами вряд ли может

вызвать в ком бы то ни было хоть отдаленно романтические мысли. Она была не из тех, кого застенчивые трепетные мальчики приглашают в кино.

– Правда! – горячо воскликнул он. – Ты выглядела такой взрослой. А я стеснялся к тебе подходить, потому что у меня были прыщи.

– У тебя и сейчас прыщи! – разошлась Женя.

Мамонтов растерянно заморгал, и ей пришлось нехотя добавить:

– Шутка. Что-то я сегодня распутилась... Не обращай внимания, на самом деле ты тоже... – Подавившись окончанием фразы, она запила неловкость огромным глотком пива.

– Что – тоже? Тоже тебе нравлюсь?

– О господи, конечно же нет! Я хотела сказать, что ты мне уже не кажешься такой невозможной занудой, как раньше!

– Ну от тебя другого комплимента и не дождешься, – рассмеялся Мамонтов. – А что же во мне занудного?

– Все. – Женя показала ему кончик языка. – Ты выглядишь, как зануда, ведешь себя, как зануда. Приглашаешь меня в занудные места.

Он удивленно огляделся по сторонам. За соседним столиком трое подвыпивших немцев о чем-то громко спорили, один из них тыкал мясистым пальцем в меню. Кажется, они пытались по-русски прочесть слово «картошка».

– Обычно здесь куда веселее, – оправдался он. – А куда ты хочешь, чтобы я пригласил тебя в следующий раз? В театр оперетты, что ли?

На минуту задумавшись, Женя выдала:

– А в публичный дом!

– Шутишь?

– Ну почему же? – сузила глаза Женя. – Твой отец держит публичный дом, почему я не могу пойти посмотреть?

– Да что там интересного-то?

– Для тебя, может быть, и ничего. Ты, возможно, ко всему этому с детства привык. А я девушка неискушенная.

– Между прочим, меня воспитывала бабушка, а она учительница литературы, – оскорбился Мамонтов.

– Оно и видно. Если бы тебя папаша воспитывал, ты был бы куда веселее.

– И почему я еще не ушел? – развел руками Мамонтов.

– Влюбился, наверное, – полушутя предположила Женя, но Миша почему-то и не подумал рассмеяться.

– Ладно, – он набрал в легкие побольше воздуха, как будто собирался нырнуть с десятиметровой вышки в глубины бассейна, – договорились. Давай в ближайший четверг.

– Ты это серьезно? – опешила Женя.

– Ты же сама хотела. Я договорюсь с девчонками.

– А это точно удобно?

– Ну вот, напросилась и сама же даешь задний ход? – насмешливо спросил Миша. – Конечно, удобно! Посидим, чайку попьем, я скажу девчонкам, чтобы они ватрушек напекли!

– Они у вас на все руки от скуки, как я погляжу, – пробормотала Женя перед тем, как радостно воскликнуть: – Ура!! Мы поедем в бордель!!

Январь – время для артистов бесхлебное, гарантированный мертвый сезон. Инна обычно использовала эти ежегодные длинные каникулы для «чистки перышек».

В этот раз она не могла дождаться того дня, когда ей можно будет вырваться из клиники, носившей странное название «Мгновенная стройность». Ей было отчаянно скучно, нестерпимо одиноко и очень-очень грустно. Раз в три дня ее навещал Артем, и это было хоть каким-

то подобием развлечения – выслушать свежие новости о перспективах «Паприки» и его продюсерских достижениях. Тем более что новости были хорошими – Артем нашел деньги на съемки клипа и подписал контракт с молодым, но уже засветившимся режиссером Романом Степановым.

Все же остальное время она валялась на кровати лицом вниз и пыталась провалиться в сжигающую время дрему.

Каждое утро Инна подолгу изучала в зеркале свое осунувшееся лицо. Весы свидетельствовали, что за неделю с лишним пребывания в клинике ей удалось скинуть четыре килограмма. Лечащий врач называл Инну ослепительной, а самой ей казалось, что она подурнела. Кожа стала глаже и лучше, зато глаза лишились того особенного блеска, который способен сделать из женщины красавицу вне зависимости от черт ее лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.